
ЛИТЕРАТУРА И ОБЩЕСТВО

УДК 82.02

КОЛОСОВА Е.И.¹ ТЕМА ВЕГЕТАРИАНСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ XVII–XVIII вв., ЕЕ ОСНОВАНИЯ И
КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ. (Обзор).

DOI: 10.31249/lit/2021.04.04

Аннотация. В западной культуре тема вегетарианства актуализируется на рубеже XVII–XVIII вв. С этим культурным явлением в первую очередь связывают имена Томаса Трайона, Джорджа Чейни и Джозефа Ритсона, в трудах которых обосновывается польза растительной пищи как для отдельного индивида, так и для формирования гармоничного общества в целом. В данном обзоре рассматривается феномен вегетарианства и его культурный контекст. Отдельное внимание уделяется английскому врачу Джорджу Чейни, который популяризировал растительную диету в своих медицинских трактатах. Рассматривается влияние его идей на творчество Джозефа Ритсона и Перси Биши Шелли.

Ключевые слова: вегетарианство; Джордж Чейни; Томас Трайон; Джозеф Ритсон; Перси Биши Шелли; романтизм; Просвещение.

KOLOSOVA E.I. Vegetarianism in British literature of the seventeenth and eighteenth centuries, its foundations and cultural contexts. (Review).

¹ Колосова Екатерина Игоревна – младший научный сотрудник отдела литературоведения Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstract. Vegetarianism was actualized in Western culture at the turn of the seventeenth century. This cultural phenomenon is primarily associated with the names of Thomas Tryon, George Cheyne and Joseph Ritson. In their works the benefits of plant foods are substantiated both for the individual and for the formation of a harmonious society. This review examines the phenomenon of vegetarianism and its cultural context. Special attention is paid to the English physician George Cheyne who popularized the plant-based diet in his medical treatises. The influence of his ideas on the works of Joseph Ritson and Percy Bysshe Shelley is considered.

Keywords: vegetarianism; George Cheyne; Thomas Tryon; Joseph Ritson; Percy Bysshe Shelley; romanticism; Enlightenment.

Для цитирования: Колосова Е.И. Тема вегетарианства в литературе Великобритании XVII–XVIII вв., ее основания и культурные контексты. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2021. – № 4. – С. 53–65. DOI: 10.31249/lit/2021.04.05

Вегетарианство практиковалось еще древнегреческими философами и итальянскими гуманистами, а на рубеже XVII–XVIII вв. эта тема вновь становится актуальной по трем основным причинам – религиозной, научно-медицинской и моральной. В Британии раннего Нового времени с этим культурным явлением в первую очередь связаны Томас Трайон, Джордж Чейни и Джозеф Ритсон, в трудах которых подробно рассматривается феномен вегетарианства и обосновывается его польза как для отдельного индивида, так и для формирования гармоничного общества в целом. Однако британские авторы рубежа XVII–XVIII вв. восприняли и переосмыслили аргументы своих предшественников.

М. Жаннере (Университет Джонса Хопкинса) предполагает, что истоки «европейского вегетарианства» следует искать в эпохе Возрождения. Опираясь на исследования французского историка Жан-Луи Фландрена, исследователь отмечает, что отношение человека к еде начинает стремительно меняться в XVI в.: до середины века высшие сословия потребляли мало овощей и «презирали все, что производила земля» [2, р. 212], отдавая предпочтение хлебу, мясу и рыбе. Напротив, с середины XVI в. потребление мяса

упало, высшие сословия начали ценить растительные продукты, блюда стали разнообразнее, были выведены новые виды овощей. Этой тенденцией Северная часть Европы обязана Италии, в которой раньше, чем в других странах, возникло обыкновение включать в рацион большое количество растительных продуктов. Жаннере предполагает, что наиболее весомой причиной, по которой итальянские гуманисты, а затем и британские антиквари, обратились к вегетарианству, было наследие античной философии.

В Античности тема вегетарианства впервые поднимается Пифагором и его последователями. В рамках своей философской концепции он призвал отказаться от любых жертвоприношений и поедания мяса животных, считая необходимым придерживаться растительного типа питания, который не предполагал даже термическую обработку продуктов. Позднее появился трактат Порфирия «Об отказе от животной пищи», который представляет собой сумму аргументов в пользу вегетарианства. Порфирий тоже ссылается на опыт Пифагора и его призыв уважать животных так же, как и людей; вместе с тем он опирается на неоплатонический спиритуализм, согласно которому строгий аскетизм и чистота потребляемой пищи являются условиями для возвышения души и ее соединения с Богом. Тем не менее Жаннере замечает, что радикальный отказ от мяса, который проповедовали Порфирий или Плутарх, не был широко распространен в древнегреческой культуре. Большинство греческих философов воспевали умеренность и аскетизм, но не настаивали на пагубном влиянии животной пищи на человеческую душу и организм.

Среди гуманистов, судя по всему, в отношении еды также доминировала «тенденция недогматического компромисса» [2, р. 214]. В качестве примера Жаннере приводит диалог из книги «Разговоров запросто» (*Colloquia familiaria*, 1518) Эразма Роттердамского: Евсевий приглашает друзей в свой загородный дом и предупреждает, что за ужином будут подавать только овощи, ведь «чтобы получить удовольствие от ума, нужно укротить аппетиты тела» [2, р. 214]. Перед застольем друзья прогуливаются по фруктовым садам, восхищаясь прекрасными растениями и лекарственными травами. Эразм описывает необыкновенное наслаждение,

которое получили гости от прогулки на свежем воздухе и вкушения сочных плодов, дарованных человеку Господом. Однако за ужином мясо на стол все-таки подают. Жаннере объясняет это несоответствие тем, что Эразму враждебен любого толка фанатизм, в том числе и излишний аскетизм в еде. Подчиниться радикальному вегетарианству значило бы для него признать ценность поста и принять суеверия, с которыми борется подлинная вера. Более того, строгое следование пищевым запретам напоминало Эразму предписания Ветхого Завета, которым положил конец Христос. По этой же причине умеренность проповедовал и Ж. Кальвин, он также настаивал и на том, что религия должна освободиться от внешних обрядов, перестать подчиняться «поверхностным религиозным жестам».

Таким образом, все приведенные примеры указывают на то, что наделение растительных продуктов особой ценностью не обязательно влекло за собой радикальный отказ от мяса. Вегетарианство в эпоху Возрождения носило иной характер: оно учило бережливости, умеренности и почитанию дарованных Природой плодов. Подобный подход к пище, по мнению Жаннере, символически выразил всю философию Возрождения: во-первых, он отразил симбиоз человека и природы. Во-вторых, человек Возрождения искал Бога в природе через сочувствие и внимание ко всему сущему.

Соотношение между микрокосмом и макрокосмом, которое особенно культивировалось натурфилософами, подразумевало, что человеческое тело является лишь частью Великого Целого, одновременно пребывая с ним в абсолютном единстве. Для того чтобы организм оставался здоровым, в нем должна поддерживаться та же гармония, которая регулирует универсальный порядок. Этот принцип лежит в основе учения Гиппократов и гласит, что для излечения больного тела в нем необходимо восстановить баланс всех жидкостей. Диетология, т.е. учение о правильном и здоровом потреблении натуральных продуктов, позволяет исправить внутренний дисбаланс. «*Natura sanat, medicus curat*»¹, – таков принцип Гиппо-

¹ Природа исцеляет, врач лечит (лат.).

крата, и именно он впоследствии лег в основу медицинского метода Дж. Чейни (George Cheyne, 1672–1743), положившего начало обсуждению вегетарианства в медицинском сообществе XVIII в.

С. Шейпин (Гарвардский университет) исследовал «Великий секрет» здоровья и долголетия Чейни, который заключался в уже известном Гиппократовском балансе крови и других жидкостей, обеспечивающем их правильную циркуляцию. Чейни следует за мыслью древнегреческого целителя, говоря о том, что в силу возрастных изменений или неправильного питания жидкости в организме человека становятся «вязкими, густыми и липкими», кровообращение замедляется и в конечном итоге останавливается, что приводит сначала к тяжелым болезням, а затем к смерти [4, р. 275]. К созданию особой диеты медика подтолкнул собственный печальный опыт. Переехав в 1718 г. из Шотландии в Англию, Чейни в первое время наслаждался жизнью в лондонском высшем свете, из-за чего резко переменял образ питания. Уже через несколько лет он начал страдать серьезным ожирением и вытекающими из этого недуга болезнями. Своё состояние он описал в труде «Английская болезнь» (*The English Malady*, 1733): «Я стал чрезмерно грузен, одышлив, впал в сонливость и вялость... В то время ноги мои целиком покрылись цинготными язвами. Сочившийся из них гной непрерывно разъедал кожу, и передние части обеих ног были одно сплошное воспаление» (пер. Н. Фрейман)¹.

На «втором этапе» своей карьеры Чейни стал практикующим врачом-диетологом, сосредоточив свое внимание на исследовании и лечении хронических заболеваний, а также их влиянии на психику человека. Он записывал и публиковал все свои медицинские опыты, что превратило его в одного из самых известных и «модных» врачей столетия. Врачебный опыт Чейни лег в основу таких его работ, как «Очерк о здоровье и долголетию» (*An Essay of Health and Long Life*, 1724), «Очерк о режиме» (*An Essay on Regimen*, 1740) и «Естественный метод лечения болезней человеческого тела и психических расстройств, связанных с телом» (*The Natural*

¹ Цит. по: Уорнер Э. Разъяренный повар. Как псевдонаука не дает нам нормально поесть. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 173.

Method of Curing the Diseases of the human Body, and the Disorders of the Mind attending on the Body, 1742).

«Очерк о здоровье и долголетию» Чейни был опубликован в 1724 г. и получил столь широкую известность, что переиздавался даже столетие спустя. Опираясь на личный опыт, медицинские и философские труды, Чейни сформулировал свое представление о полезном рационе, способном обеспечить человеку долголетие. Он отметил важность простой еды, соблюдения режима сна и бодрствования, упражнений, прогулок на свежем воздухе и необходимость избегать чрезмерно сильных эмоций. Чейни иллюстрировал эти тезисы случаями из собственной медицинской практики. Например, лорд и леди Кармартен страдали невротами из-за своей чрезмерно доброй натуры и потому выпивали больше вина, чем следовало. Другим двум пациентам – Сэмюэлу Ричардсону и леди Хантингдон – Чейни поставил иные диагнозы, однако предписанные им целительные практики были довольно схожи и заключались в коррекции питания и физических нагрузках. Ричардсон страдал меланхолией и «нервной гиперемией», потому что из-за вредных привычек его «изначально слабые мембраны и сосуды были слишком заполнены ... и, будучи изначально нездоровыми, оказались недостаточно прочны и эластичны, чтобы вытеснять воздушные потоки и пары...» [4, р. 291]. Деликатная проблема с кишечником леди Хантингдон, по мнению врача, проистекала из «цинготной телесной жидкости, которую она принесла с собою в этот мир» [Ibid.]. Всякую болезнь Чейни намеревался «заморить голодом» или «испепелить». Шейпин отмечает, что подобный пафос и «медицинская казуистика», которая выражалась в ярких и полных драматизма пересказах историй пациентов, прослеживается во всех трудах Чейни [4, р. 286].

По мысли врача, здоровье является обязанностью человека, неким физическим и моральным императивом, а тот, кто нарушает самоочевидные правила здоровья, пусть даже не отдавая отчета в своих действиях, виновен в самоубийстве, преступлении против Бога и природы. Тем не менее, замечает Шейпин, в «Очерке» не защищается строгая вегетарианская диета, хотя она и представляется как универсальный идеал, к которому должен стремиться ка-

ждый. В представлении Чейни, Бог даровал животную пищу после Всемирного потопа, для того чтобы сократить человеческую жизнь. Осознавая невозможность обратить все человечество в вегетарианство, медик подчеркивал острую необходимость умеренности, которая предполагала простой и легкий рацион, состоящий из белого мяса и овощей, а также воды, призванной заменить любой алкоголь.

К 1730–1740 гг. британское медицинское сообщество заговорило о Чейни и его новаторской диете, эффективность которой он также выявил на собственном опыте. Людям со стабильным физическим и психическим здоровьем он продолжал прописывать умеренность в питании, но еще большую славу ему принесла суровая диета, состоящая из ослиного молока и семян, предназначенная для ученых или пациентов, ведущих сидячий образ жизни [4, р. 272–273]. Шейпин отмечает, что Чейни пришлось изрядно потрудиться, чтобы его пациенты восприняли эту диету всерьез и придерживались всех рекомендаций. Несмотря на влияние Чейни в медицинском сообществе, многие его современники находили такие диетические рецепты смехотворными, невозможными и бесполезными. Чтобы переубедить пациентов, Чейни решил действовать ненавязчиво: например, Ричардсону он сперва посоветовал лишь сократить потребление мяса и вина, затем – в качестве «промежуточного звена» – предложил на время отказаться от этих продуктов и оценить результаты. Когда Ричардсон полностью привык к ограничениям, врач уговорил его перейти на экстремальную диету из молока и семян. Каждый из этапов сопровождался многочисленными убедительными аргументами, обращением к здравому смыслу и логике. Кроме того, Чейни ссылаясь как на действительные, так и на выдуманные им самим случаи из своей медицинской практики, которые якобы подтверждали эффективность вегетарианского подхода [4, р. 286].

Среди известных пациентов Чейни, кроме Ричардсона, был английский поэт Александр Поуп, поэт и драматург Джон Гей, графиня Хантингдон, дочь Роберта Уолпола Кэтрин (которая, впрочем, умерла, как замечает Шейпин, от болезни, напоминающей нервную анорексию), граф Честерфилд и пр. Опубликованные

медицинские очерки Чейни цитировались литературным критиком и поэтом С. Джонсоном, который давал им высокую оценку, а Джон Уэсли в своей книге «Примитивная медицина: простой и естественный метод лечения большинства заболеваний» (*Primitive physick: or, An easy and natural method of curing most diseases*, 1747) использовал целые разделы из ранних трудов Чейни.

Идею вегетарианства далее развили в своих работах Т. Трайон, А. Поуп, Дж. Ритсон и другие просветители. Томас Трайон (Thomas Tryon, 1634–1703), живший в период после Английской революции (1642–1649), был одним из религиозно мотивированных вегетарианцев. А. Гуэррини (Индианский университет в Блумингтоне) начинает свою статью с исследования параллелей между идеями Трайона и Роджера Крэба (Roger Crab, 1621–1680) – религиозного активиста-вегетарианца XVII в. В 1650-х годах Крэб отказался от своей галантереи ради небольшого участка земли, где расположил скромное жилище и сад, в котором произрастало все необходимое для пропитания. По словам издателя его эссе «Английский отшельник, или Чудо этого века» (*The English hermite, or, Wonder of this age*, 1655), Крэб таким образом подражал жизни Христа и пророков, однако собственная концепция писателя оказалась сложнее.

Крэб начинает эссе с известного тезиса о том, что Адам был вегетарианцем и мясоедение стало следствием грехопадения: «Таким образом, мы видим, что, принимая пищу и питье, мы охвачены распадом» [1, р. 34]. Подобно средневековым аскетам, Крэб жестко противопоставлял телесный и духовный мир. Употребление в пищу мяса животных, по его мнению, символически воспроизводит убийство Христа, часто изображаемого в виде ягненка, поэтому мясники всегда более склонны к насилию. Наряду с этим мыслитель не оправдывает и тех, кто покупает мясо: «Марс, будучи богом войны, является повелителем этих разрушителей: и, хотя они получают жертвенную плоть для своего пропитания, их тяга к разрушению будет возрастать» [Ibid.]. Обличая безбожников, Крэб также обратил внимание на риски для здоровья, например, во время гражданской войны он на своем опыте убедился, что мясо и

алкоголь «воспламеняют кровь», усугубляют болезни и препятствуют заживлению ран.

Концепция «аскетической диеты» Трайона развивала и дополняла аргументы Крэба. Трайон также утверждал, что в «первые и более чистые века» люди не ели мяса, а поворотным моментом стало падение Адама. Когда человек уступил «животной природе», он потерял власть над животным миром. Вместе с тем в своих обоснованиях мыслитель во многом опирается и на идеи немецкого мистика Я. Бёме, говоря о том, что «весь видимый мир есть не что иное, как великое тело Бога» [1, р. 35]. Уничтожение части этого единого тела является серьезным преступлением, и именно это пробудило Гнев Божий. Как и Крэб, Трайон полагал, что употребление мяса делает людей жестокими, поскольку им передаются с кровью животных «звериные страсти». Согласно его собственному признанию: «Голос Мудрости... призвал меня к разделению и самоотречению» и побудил пить только воду, есть хлеб и фрукты [Ibid.]. Позже голос несколько смягчился и позволил Трайону добавить в рацион также масло и сыр. Такой диеты он придерживался до конца своих дней.

Гуэррини обращает внимание на то, что риторика сторонников вегетарианства 1650-х годов связана также с социальным протестом против роскоши. Мясо было одновременно символом и компонентом расточительного образа жизни, признаком чрезмерного изобилия. Так, Трайон выступал и против бурно развивающейся английской торговли, импорта экзотических продуктов. Он считал, что экзотическая пища не подходит английскому темпераменту: она просто «вводит мыслящих людей в заблуждение и вызывает в теле неизлечимые болезни» [1, р. 36].

Исследователь отмечает, что данная концепция сформировала вокруг Трайона определенный круг единомышленников: в юности американский политик Бенджамин Франклин называл себя «трайонистом», еще раньше Джон Ивлин, писатель и член Лондонского королевского общества¹, провозгласил необходимость

¹ Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе (*Royal Society of London for Improving Natural Knowledge*).

вегетарианской диеты в своей книге «Ацетария: беседа о салатах» (*Acetaria: a discourse of sallets*, 1699). Примерно в те же годы в книге французского химика Луи Лемери «Продовольственный договор» (*Traité des aliment*, 1702; англ. пер., 1704) превозносился Золотой век «первых вегетарианцев»: «Люди были лучше и более жизнерадостными... более сильными и стойкими, жили дольше и были подвержены меньшему количеству болезней, чем мы»¹. Хотя Лемери не был вегетарианцем, он утверждал, что мясо «вредно для нашего здоровья, потому что вызывает в нас сильное брожение, которое портит настроение, и в результате твердые части тела теряют свою сущность» [1, р. 36].

Гуэррини не обходит вниманием и тот факт, что в медицинских трудах Чейни присутствуют и религиозные аргументы в пользу вегетарианства. Большинство психологических проблем, от которых страдали его пациенты, были вызваны образом жизни, и сам врач верил в то, что Бог дал людям свободу выбора – совершать грех или нет. Как отмечает исследователь, Чейни также увлекался мистической литературой и читал многое из того, на что ссылался Трайон (в том числе и на Я. Бёме).

Более поздние, чем «Очерк о здоровье и долголетию», работы Чейни – «Очерк о режиме» (1740) и «Естественный метод лечения болезней человеческого тела и психических расстройств, связанных с телом» (1742) – объединили его религиозные и медицинские идеи. Например, в «Очерке» он утверждает: Бог не велел людям есть мясо, и только падшие люди могут обладать той жестокостью сердца, которая необходима, чтобы «смотреть на конвульсии, страдания и муки» животных [1, р. 39]. Гуэррини замечает, что религиозные аргументы медика очень скоро были забыты и стерты потоком других трудов, исследующих рецепты «долгожительства». Это могло произойти вследствие того, что Чейни приводил такого рода доводы чаще всего в доказательство поставленных им диагнозов, а также ради убеждения пациентов в своей правоте, а не из естественного религиозного чувства.

¹ Цит. по: Lémery L. A treatise of foods, in genera. – London, 1704. – P. 5–6.

Идеи древнегреческих философов, гуманистов эпохи Возрождения, мыслителей-просветителей были использованы в «Эссе о воздержании от животной пищи как моральном долге» (*An essay on abstinence from animal food, as a moral duty*, 1802) Джозефа Ритсона (Joseph Ritson, 1752–1803). Этот труд представляет собой сборник фактов и мнений о вегетарианстве. Несколько глав Ритсон посвятил подробному описанию оздоровительной диеты, приводя цитаты из Чейни, Трайона и других сторонников вегетарианства. Как и Чейни, Ритсон воспевал диету йоменов, которая больше напоминала рацион бедных сословий (состоящий в основном из картофеля и овсяной каши). В не менее радикальной манере Ритсон предвосхитил современные экологические споры и обозначил проблему землепользования. Он утверждал, что, несмотря на прогресс в английском сельском хозяйстве, Англия все же не может прокормить большее количество людей, потому что производство мяса требует больших территорий.

Главный моральный тезис Ритсона против мясоедения (Гуэррини замечает, что в этом отношении писатель строго следует за Ж.Ж. Руссо и И. Кантом) заключался в том, что «употребление животной пищи настраивает человека на жестокие и свирепые поступки» [1, р. 40]. Помимо ссылок на труды Порфирия, Плутарха и Овидия, Ритсон использовал многочисленные примеры из истории первобытных народов, чтобы более наглядно, а местами и экстравагантно, проиллюстрировать пороки мясоедения. Так, большинство современных Ритсону комментаторов полагали, что жертвоприношение животных заменило жестокий ритуал человеческого жертвоприношения. Писатель же утверждал обратное: в его представлении, однажды священники случайно попробовали мясо животных во время ритуала жертвоприношения и, полюбив вкус животной плоти, перешли к ее регулярному употреблению, что, в сущности, является опасной тенденцией, которая рано или поздно приведет к человеческим жертвоприношениям. По Ритсону, священнослужители под маской религиозности успешно скрывают свою кровожадность. Исследователь отмечает, что писатель осуждает не только христианство, а религиозную мысль в целом.

«Эссе» Ритсона, суммирующее, как может показаться, все доступные к тому времени факты, легенды о вегетарианстве и доказательства его пользы, оказало большое влияние на развитие этой традиции в XIX в. Т. Мортон (Университет Уильяма Марша Райса) в статье «Джозеф Ритсон, Перси Шелли и создание романтического вегетарианства» утверждает, что экземпляр «Эссе» хранился в личной библиотеке П.Б. Шелли (1792–1822), и тот опирался на высказанные Ритсоном тезисы, когда работал над своей первой поэмой «Королева Маб» (*Queen Mab: A Philosophical Poem*, 1813). Книга Ритсона была вся исписана карандашными заметками Шелли: он выделял целые пассажи, комментировал их на полях, а затем использовал многие идеи как в «Королеве Маб», так и в эссе «Оправдание естественной диеты» (*A Vindication of Natural Diet*, 1813), которое впоследствии стало предисловием к поэме.

Исследователь предполагает, что «Эссе» могло попасть в руки Шелли за несколько лет до создания первого произведения, еще во время обучения в Оксфорде. Поэт был настолько вдохновлен этой книгой, что апеллировал к ней даже на суде, во время которого решался вопрос о его опеке над детьми от первого брака. Слухи об этом восходят к одному из адвокатов поэта, Бэзилу Монтегю. В протоколе судебного разбирательства говорилось, что «Перси Биш Шелли признает себя атеистом <...> с тех пор, как он написал и опубликовал определенную работу под названием “Королева Маб” с примечаниями и другими работами», что «он кощунственно высмеивал истинность христианской веры и отрицал существование Бога как Создателя Вселенной» [3, p. 54]. Самоубийство его первой жены и «кощунственный характер» поэмы привели к тому, что поэту грозило навсегда потерять детей. Во время слушаний он смело заявил, что хотел бы «обучать их [своих детей] так, как он считает нужным», и в представлении судей это означало «обучение атеизму и вегетарианству» [3, p. 55]. Ценности, которые, по Шелли, должны были даровать человечеству гармонию, полноту жизни и здоровый дух, были превратно восприняты теми, кто вынес поэту приговор. Однако Шелли не отказался от своей «теории революции», одним из компонентов которой являлось убеждение в благотворности вегетарианства. Опираясь на

центральные аргументы Ритсона о разрушительном влиянии мяса на моральный облик человека, поэт последовательно подводил своих читателей к мысли о вреде всякого рода жестокости: не только по отношению к людям, но и к животным.

Мортон завершает свою статью размышлением о том, что «просветительский гуманизм» и интерес Шелли к «Эссе» Ритсона наглядно демонстрирует, как «вегетарианский импульс Просвещения <...> деконструирует центральную роль человека [в Природе и Вселенной]» [3, р. 59]. Именно диалог романтика Шелли и просветителя Ритсона, который повлиял на дальнейшее развитие философии вегетарианства в европейской культуре, стал, по мнению исследователя, одной из первых значительных попыток осмысления политически и философски значимой практики воздержания от животной пищи.

Список литературы

1. Гуэррини А. Диета для чувствительной души : вегетарианство в Британии XVIII в.
Guerrini A. A Diet for a sensitive soul : vegetarianism in eighteenth-century Britain // Eighteenth-century life. – 1999. – Vol. 23, N 2. – P. 34–42.
2. Жаннере М. «Мой салат и моя муза» : о ренессансном вегетарианстве.
Jeanneret M. «Ma salade et ma muse» : on Renaissance vegetarianism // At the table / ed. by Timothy J. – Turnhout : Brepols, 2007. – P. 211–222.
3. Мортон Т. Джозеф Ритсон, Перси Шелли и создание романтического вегетарианства.
Morton T. Joseph Ritson, Percy Shelley and the making of romantic vegetarianism // Romanticism. – 2006 – Vol. 12, N 1. – P. 52–61.
4. Шейпин С. Доверяя Джорджу Чейни : научный опыт, здравый смысл и моральный авторитет в диетологии начала восемнадцатого века.
Shapin S. Trusting George Cheyne : scientific expertise, common sense, and moral authority in early eighteenth-century dietetic medicine // Bulletin of the history of medicine. – 2003. – Vol. 77, N 2. – P. 263–297.